

Шэнь Инчжоу по-прежнему сидел в ленивой позе, казалось, ничуть не принимая близко к сердцу слова отца, исполненные горькой скорби.

Он неторопливо затушил окурок в хрустальной пепельнице на журнальном столике, затем поднял свой глубокий, равнодушный взгляд на рассвирепевшего отца, а его тон остался совершенно ровным.

— Выговорились? — он резко поднялся, и его высокая, ладная фигура излучала давящее на окружающих напряжение, поправил манжету костюма, которая вовсе и не была помята. — Раз выговорились, я пошел.

— Ты...! — Шэнь Цзяньчэн от этого непробиваемого отношения и попытки тут же уйти потемнел в глазах, схватился за грудь и какое-то время просто не мог вымолвить ни слова.

— Инчжоу! — госпожа Шэнь тоже забеспокоилась, торопливо вскочила на ноги, пытаясь ухватить сына за локоть: — Твой отец ведь тоже...

Шаги Шэнь Инчжоу не замедлились ни на мгновение, он напрямую обошел протянутую руку матери и, не оглядываясь, вышел из гостиной.

Снова раздался рев мотора, и спортивный автомобиль, подобно черному дикому зверю, стремительно растворился в сумерках усадьбы Шэней.

— Плх! — Шэнь Цзяньчэн со злости врезал кулаком по журнальному столику так, что у него самого заболели костяшки пальцев.

Он обессиленно рухнул обратно на диван, глядя на госпожу Шэнь со смесью полного краха и непонимания на лице, а в его голосе сквозило чувство абсолютной беспомощности:

— Ты только посмотри! Посмотри на него! Этот... этот негодяй! Ему же уже двадцать восемь лет! Почему он до сих пор такой бунтарь?! Такой непутевый! В кого он вообще уродился?!

Госпожа Шэнь посмотрела на покрасневшее от гнева лицо мужа и его нахмуренные брови, беспомощно вздохнув.

Она не стала, как обычно, сразу же присоединяться к жалобам на сына, а вместо этого подошла, мягко похлопала Шэнь Цзяньчэна по напряженной спине и ласково уговорила:

— Ладно тебе, ладно, поумерь свой гнев, опять давление поднимется.

— А сын... у него с детства свое мнение на всё, ты же и сам знаешь...

— Свое мнение?! — повысил голос Шэнь Цзяньчэн, но, столкнувшись с чуть резковатым «успокаивающим» взглядом жены, этот едва вспыхнувший огонек тут же с легким шипением погасил наполовину.

Он, словно сдувшийся мяч, раздраженно махнул рукой, понизил голос, проявляя свойственное пожилым отцам показное упрямство, и сдавленно проворчал:

— Он просто намерен свести меня в могилу! Бедокурит где-то на стороне, да так громко, что весь город на ушах стоит!

— Глядишь, и намеченные на потом смотрины сорвутся, какая же приличная девушка в Цзинси захочет за него выйти...

Шэнь Цзяньчэн продолжал ворчать во все горло, но его тон уже заметно смягчился, а взгляд украдкой косился на лицо жены, опасаясь, что своим недавним криком он расстроил ее.

Он обладал типичным языком хищника и мягким сердцем, приправленным изрядной долей глубоко укоренившегося подкаблучничества.

Разве госпожа Шэнь не понимала собственного мужа?

Однако внешне она сделала вид, что не замечает его маленьких уловок, и мягко произнесла:

— Ладно-ладно, дело уже произошло, отругали — так отругали, позлились — и хватит.

— Характер Инчжоу таков, что чем больше ты на него давишь, тем сильнее он упрямится. Попозже... я найду возможность поговорить с ним с глазу на глаз и во всем разобраться.

— А насчет смотрин... я еще все устрою.

Главное здание корпорации Хуаньюй.

Десятиметровый атриум с зеркальным стеклянным куполом сиял чистотой.

За вращающимися дверьми сновали туда-сюда деловые люди в строгих костюмах.

В зоне отдыха справа, на мягких кожаных диванах, сидели две фигуры, совершенно не вписывающиеся в эту элитную атмосферу.

Е Сюймэн нервно теребил шнурок от своей толстовки, сидел как на иголках, а пара круглых щенячьих глаз неотрывно следила за лифтовой зоной.

Рядом с ним Се Цзиньлань по-прежнему сохранял невозмутимость монаха, погруженного в медитацию: сидел с прямой осаной и с бесстрастным видом смотрел в телефон.

Лишь взгляд из-за стекол очков время от времени скользил по лицу Е Сюймэна, на котором крупными буквами было написано: «Мне страшно».

— Цзиньлань, как думаешь, моя двоюродная сестра... она правда мне поможет? — уже в энтый раз понизив голос, переспросил Е Сюймэн, и в его голосе звучала полная неуверенности тревога.

— Она только что по телефону так громко хохотала, говорила еще, что эта история меня ужасно позорит...

Се Цзиньлань даже не поднял головы и ответил лаконично:

— Но она согласилась.

— Согласиться-то согласилась, а вдруг она в последний момент передумает или решит надо мной подшутить... — чем больше Е Сюймэн думал об этом, тем более вероятным ему казалось, и его лицо скривилось, как у несчастной тыквы.

Он как раз собирался высказать еще пару едких замечаний о «темном прошлом» своей кузины Чжан Тин, как боковым зрением внезапно заметил знакомую и ослепительную фигуру, быстрой походкой вышедшую из лифта.

Чжан Тин пришла!

Она была в искусно скроенном бежевом тренче, надетом поверх тонкого водолазного свитера в тон, а обтягивающие синие джинсы подчеркивали ее прямые длинные ноги.

Ее туфли на шпильках ступали уверенно, каштановые пышные локоны покачивались на плечах в такт шагам, макияж был безупречен, а аура полной властности мгновенно привлекла множество проходящих мимо взглядов.

— Е! Сюй! Мэн! — голос Чжан Тин разнесся задолго до того, как она сама появилась, и она на высоких каблуках быстрыми цокающими шагами подлетела к диванам в зоне отдыха.

Она протянула палец с искусно выполненным маникюром и без всяких церемоний ущипнула Е Сюймэна за нежную пухлую щеку, с силой потянув ее в разные стороны.

Затем последовал пронизывающий взгляд, полный предвкушения сплетен и жажды возмездия, который намертво впился в лицо этого мелкого никчемы.

— Ой-ой-ой! Сестрица! Очень больно, больно!!! — лицо Е Сюймэна исказилось и перекошилось от боли, в глазах заблестели слезы, а руки судорожно попытались разжать пальцы кузины.

— Больно? Ты еще знаешь, что такое боль? — Чжан Тин не только не отпустила его, но и наклонилась ближе, а в ее приглушенном голосе смешались восторг и злость.

— Какой же ты у нас способный! Умудрился прилюдно целоваться с мужиком в ресторане, да еще и угодил на видео, которое выложили в сеть! Совсем кожа чешется? Вот сейчас же позвоню тете!

С этими словами Чжан Тин достала телефон, собираясь наябедничать.

— Не надо, не надо, сестрица, выслушай меня! — Е Сюймэн замахал руками в знак капитуляции.

— Тогда говори скорее: с кем это, и до какой стадии вы дошли? — засыпала его вопросами Чжан Тин, не ослабляя хватки на его щечке, а наоборот, слегка тряхнув ее, словно выплескивая накопившуюся злость.

Е Сюймэн из-за зажатой щеки говорил невнятно, одновременно стыдясь и паникуя:

— Мх... сестрица... отпусти сначала... я вообще не знаю этого человека!

Чжан Тин изогнула бровь, явно не веря ему, и добавила еще немного усилия в пальцы.

Глядя на то, как этот малец морщится от боли и не смеет сопротивляться, она испытала огромное удовлетворение от затаившейся с детства маленькой вредности.

В разгар этой хаотичной сцены под названием «любящая сестра и почтительный младший братец» со стороны вращающихся дверей послышался уверенный и тяжелый шаг.

Шэнь Инчжоу вошел внутрь широким шагом.

Присущая ему с рождения высокая стать и аура человека, стоящего на вершине, заставили окружающих почтительно перевести на него взгляды.

Продвигаясь вглубь здания, он одновременно бросал через плечо короткие указания следовавшему за ним Шуньцзы.

Его глубокие и пронзительные глаза по привычке обшарили просторное пространство.

В следующую секунду его шаг невольно замедлился.

Тот самый знакомый силуэт с копной пушистых кудрей — какая-то высокая и эффектная женщина как раз ущипнула за щеку.

Этот маленький наглец с выражением полного отрешения от жизни... мы снова встретились?

<http://bllate.org/book/19437/1904453>